

MIKHAIL PRISHVIN:
PERSONALISM – EGO-DOCUMENT – ECO-CONSCIOUSNESS

DOI 10.15826/qr.2024.2.890

УДК 821.161.1–311.8Пришвин + 82–4 + 821.16.1.09

«Трагедия правды» в географии Чащи Михаила Пришвина*

Елена Созина

¹Институт истории и археологии Уральского отделения РАН;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“The Tragedy of Truth” in the Geography
of Mikhail Prishvin’s Grove**

Elena Sozina

¹Institute of History and Archaeology,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the theme of the forest (“grove”) in the works and diaries of Mikhail Prishvin, which for him is inextricably linked not only to environmental problems, but also to the Russian people’s awareness of their historical path and destiny, to the understanding of the concept of “truth” and its semantic content in the minds of different people. The author compares Prishvin’s book of essays *Berendey’s Grove* (1935–1936), the fairytale *Shiptimber Grove* (1953) and the writer’s diaries, which reflect his impressions of his trip to Arkhangelsk region in 1935. On his journey to the north, Prishvin was not only carrying out the duties of the People’s Commissariat of the Timber Industry (supervising logging), but also trying to reach the precious and protected forest region – the “inviolable grove”, about which he heard many stories on his way. For Prishvin, the grove is an ideal place, untouched by the “axe of the Antichrist”. And this ideal mythological topos is all the more clearly contrasted with the terrible reality of deforestation that the writer saw and reflected on

---

* Citation: Sozina, E. (2024). “The Tragedy of Truth” in the Geography of Mikhail Prishvin’s Grove. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 473–491. DOI 10.15826/qr.2024.2.890.

Цитирование: Sozina E. “The Tragedy of Truth” in the Geography of Mikhail Prishvin’s Grove // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 473–491. DOI 10.15826/qr.2024.2.890 / Созина Е. «Трагедия правды» в географии Чащи Михаила Пришвина // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 473–491. DOI 10.15826/qr.2024.2.890.

in his essays and diary. Even the virgin grove that the travellers reach near the Komi border turns out to be doomed. In Prishvin's texts, conflicting ideas about the forest are not reconciled; he writes about poetic wood and round wood that should be felled. His last book, *Shiptimber Grove*, is dedicated to the Dream Grove, in which the author tries to save "his" fabulous grove. The article considers various options for the title of Prishvin's final work, reflecting the movement of his creative consciousness. One of them is *The Story of Truth* or *The Genuine Truth*. The theme of truth, or the 'tragedy' of truth, is perhaps the central theme in Prishvin's thought in later years, as well as in the works of a few of his contemporary writers; in the story, he entrusts the search for 'truth' to his characters. The shiptimber grove, protected by the Komi people and invaded by war, becomes a multiple image and symbol in the book, including a symbol of truth, uniting the general and the personal, the natural and the human, the past and the future.

Keywords: M. M. Prishvin, northern journeys, *Berendey's Grove*, essays, *Shiptimber Grove*, fairy tale, diary, theme of truth

Предметом рассмотрения в статье является тема леса («чащи») в произведениях и дневниках Михаила Пришвина, неотрывно связанная для него не только с проблемами экологии, но и с осознанием русским человеком своего исторического пути и предназначения, с пониманием концепта «правда» и его смысловым наполнением в умах разных людей. Сопоставляются книга очерков Пришвина «Берендеева чаща» (1935–1936), повесть-сказка «Корабельная чаща» (1953) и дневники писателя, отразившие его впечатления от путешествия в Архангельскую область в 1935 г. Отправляясь на Север, Пришвин не только выполнял задание Наркомата лесной промышленности (осуществить надзор над лесозаготовками), но и стремился достичь заветного заповедного лесного края – «неприкосновенной Чащи», о которой он слышал немало рассказов в пути. Чаща выступает для Пришвина идеальным местом, не тронутым «топором антихриста». И тем ярче этому идеальному мифологическому топосу противопоставляется ужасающая реальность лесозаготовок, увиденная и отраженная Пришвиным в его очерках и дневнике. Заповедная Чаща, которой достигают путешественники неподалеку от границы с Коми, также оказывается обречена на смерть. В текстах Пришвина остаются непримиренными контрастные представления о лесе – лесе поэтическом и лесе «круглом», то есть идущем под топор. Чаще-мечте писатель посвящает свою последнюю книгу «Корабельная чаща», где он в качестве автора предпринимает попытку спасения «своей» сказочной Чащи. Рассматриваются разные варианты заглавия финального произведения Пришвина, отразившие движение его творческого сознания. Одно из них – «Повесть о правде» (или «Правда истинная»). Тема правды, трагедия правды – едва ли не центральная в размышлениях Пришвина последних лет, как и ряда его писателей-современников; в повести он доверяет поиски «правды-истины» своим героям. Корабельная чаща, которую бережет народ коми и на которую покушается война, становится

в книге многозначным образом-символом, в том числе символом правды, объединяющим общее и личное, природное и человеческое, прошедшее и будущее.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, северные путешествия, «Берендеева чаща», очерки, «Корабельная чаща», повесть-сказка, дневник, тема правды

Известно, какое место занимала природа, в частности, природа Севера в творческом сознании и в жизни М. М. Пришвина, путешествовавшего в разные уголки России и Советского Союза, но особо отличавшего Север, куда он отправился в свои первые путешествия в 1906–1907 гг. В 1935 г. Пришвин совершил очередное путешествие на Север – в Архангельскую область, к границам Коми АССР. По итогам этой поездки была написана книга очерков «Берендеева чаща» (отдельные очерки публиковались в разных изданиях в 1935–1936 гг.), ставшая предшественницей повести-сказки «Корабельная чаща» (1953). Кроме того, заметки о путешествии на Север сохранились в дневниках Пришвина, так что есть возможность сравнивать все три текста, имея в виду, что дневник обычно выступал для Пришвина источником создания последующих произведений. Таким образом, чтобы яснее понять своеобразие заключительной повести-сказки писателя, нужно помнить о ее связи не только с «Кладовой солнца» (1945), составляющей, по замыслу писателя, первую часть дилогии сказочных повестей-книг, но и с очерковой, документальной по содержанию и форме «Берендеевой чащей».

В ней завязываются многие мотивы последующей книги и намечаются авторские размышления о жизненных путях людей, неоднократно сопоставляемых автором с жизнью деревьев. Из документального повествования-травелога, имеющего большей частью личный, порой весьма субъективный характер, Пришвин к концу жизни делает повесть-сказку, где также имеется сюжет путешествия, но уже не автора-героя, а его персонажей, детей, хотя и все остальные герои повести (кроме, может быть, учителя Ивана Ивановича Фокина) не сидят на месте, а пребывают в постоянном движении и перемещении. «Корабельная чаща» строится по жанровым законам литературного произведения (повести или романа) и одновременно сказки (см. об этом: [Овчинникова, 2009а; Овчинникова, 2009b]): путешествие детей получает сюжетную и жизненную мотивировку, устремлено к определенной очень серьезной цели – поиску отца, тогда как путешествие-поиск автора-героя и рассказчика в «Берендеевой чаще» руководствуется по видимости деловыми (задание от Наркомата лесной промышленности, о чем автор упоминает вскользь), а по сути познавательными, любительскими задачами: найти и увидеть заповедный лес, нетронутую Чащу.

Задача статьи – через сопоставление произведений о чаще понять внутреннее творческое задание автора, обращенное не только к себе

и читателю, но и к самой «чаще», задание, не остающееся неизменным, но меняющееся в ходе жизни писателя, в определенной степени отвечающее не только его собственной художественной рефлексии, но и, что неизбежно, социальному заказу эпохи.

«Берендеева чаша»

Книга очерков называется у Пришвина «Берендеева чаша», однако в ее содержании тот нетронутый северный лес, который ищут путешественники, именуется просто Чащей, а Берендеевой зовется чаша, располагавшаяся под Переславлем-Залесским, где в 1925–1926 гг. жил Пришвин и куда потом не раз приезжал поохотиться. Реальную Берендееву чашу ему удалось спасти от сплошной вырубке. В 1935 г. в газете «Известия» (№ 10) была опубликована статья Пришвина «Переславские кручи» – в ней шла речь об уничтожении леса по одному из берегов реки Вексы. Благодаря статье, привлечшей внимание не только «широкой общественности», но и высоких чинов, сосновый бор на другой стороне реки удалось спасти «как памятник природы, как защитный лес водоема, как любимейшее место отдыха трудящихся Переславля» [Пришвин, 2009, с. 633]. Весь этот край стал для писателя «Берендеевым царством», не раз описанным им в произведениях 1930–1940-х гг. В книге «Родники Берендея» все жители края и сам автор получают имя Берендеев, а его жена Ефросиния Павловна – Берендеевны¹. В «творимой легенде» о «Берендеевом царстве» А. М. Горький увидел новое мироощущение, выраженное Пришвиным, – «геооптимизм, который рано или поздно человечество должно принять» [цит. по: Пришвин, 1982–1986, т. 3, с. 513].

Образом *своей* «Берендеевой чаши» на протяжении всей книги очерков Пришвин меряет те леса, через которые лежит его путь и о которых рассказывают встречные. Так рождается образ «неприкосновенной Чащи», о которой он слушает рассказ «водяного хозяина» на реке Сухоне:

...Была становая изба его на речке Боровой, а другая – на Горевой, а третья далеко была: там, где последняя излучина реки Коды из-под лета уходит на север и все речки бегут не в Пинегу, а в Мезень, есть Чаша.

---

¹ Очерки «Родники Берендея» (1-я часть) впервые были опубликованы в журнале «Красная новь» (1925, № 8), а в 1926 г. изданы отдельной книгой. В собрании сочинений 1935–1939 гг. и в последующих изданиях произведений писателя очерки публиковались в цикле «Календарь природы». Подборку высказываний Пришвина о Берендеевом царстве см.: [Пришвин, 2009, с. 940–941]. Напомним, что берендеями назывались тюркские племена, жившие в восточноевропейских степях в XI–XIII вв., осевшие на территории Владимиро-Суздальского княжества и оставившие свои следы в ряде топонимов. Так, неподалеку от Переславля-Залесского находится станция Берендеево, также неоднократно упоминаемая Пришвиным. Однако скорее всего, используя выражение «Берендеево царство», писатель ориентировался на «царство добрых берендеев» из пьесы А. Н. Островского «Снегурочка» (1873).

«Чаща!» – вспомнил я свою сочиненную Берендееву чащу, и так захотелось мне узнать, какой же вид имеет эта действительная чаща, не тронутая вовсе топором человека [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 625].

В той же сказовой интонации передается ответ рассказчика:

Лес там – сосна за триста лет, дерево к дереву, там стяга не вырубить! И такие ровные деревья, и такие частые! Одно дерево срубить нельзя, прислонится к другому, а не упадет. Вот такая чаща! [Там же].

Затем описание Чащи вместе с указанием дороги к ней почти в тех же словах дает некий «читатель», встреченный автором на пароходе:

...И когда последняя излучина Коды уйдет под лето, реки потекут в Мезень, тут возле речки Порбыша будет и Чаща. <...> ...Деревья прямые, как свечи, одно к одному, ровные, там стяга не вырубить и деревья не повалишь... [Там же, с. 634].

Наконец, охотник с Пинеги рассказывает путникам о Чаще – и вновь возникает образ «трехсотлетнего мачтового леса», такого ровного и частого, «что стяга не вырубить» [Там же, с. 637]. Образ Чащи становится для автора-рассказчика его мечтой, воплощением идеальной прекрасной природы: «Я обрадовался этой находке Чащи, о которой здесь все говорят... Как найденное сокровище, какой-нибудь драгоценнейший алмаз, спрятал я к себе эту Чащу и стал стеречь ее у себя» [Там же, с. 634]. Образ нетронутого ровного леса-беломошника оказывается тем более актуален, что по мере того, как экспедиция Пришвина продвигается все дальше на север по региону лесозаготовок, ее члены видят загубленные нерачными хозяевами и работниками кубометры леса, входят в адово пространство сплава («Узнав о моем желании посмотреть, как живут на сплаве рабочие, он охотно ведет меня в ад...» [Там же, с. 660]).

В дневнике негативные впечатления от путешествия выражены ярче и крупнее, чем в книге очерков, и сопровождаются обобщением, которое писатель, по-видимому, поостерегся дать в подцензурной печати:

Безобразие нарастало и на росошине Кода-Мелетина...росло до полного безобразия: пузырились обнаженные реки, текущие среди брошенных груды и крестами деревьев, бараки, переполненные клопами. <...> Я сидел под уцелевшей лиственницей... и смутно думал о том, почему переход культуры от маленького окошка к более светлому (здесь и далее подчеркивание авторское. – Е. С.) непременно сопровождается таким злом, что у некоторых возникает вопрос: да стоило ли из-за более светлого окошка столько губить? [Пришвин, 2009, с. 690].

Однако хищническая рубка леса, свидетелем которой становятся путешественники, находит своих апологетов и защитников. Некий «канадец», как иронически называет его автор, пароходный попутчик, ссылающийся на опыт лесозаготовок в Канаде, яростно отстаивает необходимость не просто рубки, но сплошного уничтожения леса, поскольку «Мы накануне пользования безграничными запасами энергии внутриаомной, а вы тоскуете о лесе, этом аккумуляторе человеческих чувств, связанных с косностью». По его мнению, «лес консервативен, как старая баба, и чем скорей мы с этой дрянью покончим, тем свободней, лучше будет жить» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 633]. Автору-рассказчику нечего на это сказать, ибо упомянутый «канадец» – инородное существо, готовое истребить дорогие сердцу русского человека леса по всей стране, по всей планете. Но чтобы «показать... читателям, какой лес у нас был когда-то и каким мы его сделали» [Там же, с. 634], автору нужно найти и увидеть свою Чашу. Таким образом, мотив автора-путешественника сдвигается: Чаша обретает смысл идеальной цели, необходимой для демонстрации радикального отличия того, что есть, от того, что было прежде. В отличие от «перековки» людей, процесс которой Пришвин наблюдал во время своей поездки на Беломоро-Балтийский канал в 1932 г., леса в «перековке» не нуждаются, их нужно сохранять, хотя, с другой стороны, «если поспеет лес, – не сгорать же ему! – лес надо сводить, и вот получается лес круглый» [Там же, с. 638]. «Круглый лес – это конец. Чаша – это начало» [Там же, с. 638], – отмечает автор очерков, осваивая терминологию лесоповала («круглый лес» – тот, что перестал быть лесом и стал бревнами).

Сомнения автора-рассказчика нарастают, когда путешественники начинают пешком передвигаться по северному лесу, стремясь добраться до «неприкосновенной» Чаши. «Лес очень утомил, все ждешь и ждешь просвета и понимаешь славянина, понимающего лес как беса» [Пришвин, 2009, с. 666]. «Бор красив сам по себе, но к человеку равнодушен, а еловые долгомошники прямо даже и враждебны человеку» [Там же, с. 699]. Наконец, уже вернувшись в родные места и испытав радость от встречи с простым березовым лесом, не угнетающим, не давящим на человека, Пришвин записывает: «Люблю лес, но лес, особенно северный, любить невозможно: наш любимый лес и настоящий лес – это все равно что пойнтер и волк, – можно ли дикого волка любить» [Там же, с. 735]. В понятии «лес» для него «ютятся два разные существа»: «стандартный лес-бес», с которым вечно боролись земледельцы, и поэтический лес как «средство восстановления истраченных в городе сил». Но теперь появляется и третий лес – «круглый, исчисляемый на кубометры, источник нашей валюты» [Там же].

Примирить эти разные понятия Пришвин пытается на протяжении всей книги очерков «Берендеева чаша». Как художник он стремится к сохранению и воплощению если не въяве, то хотя бы на страницах книг поэтического леса, оттого так дорога ему Чаша.

Как путешественник-«славянин», в отличие от финно-угра, он видит в северном лесу, по которому с таким трудом они шли к заветной Чаще, «лес-бес». Как советский человек, разделяющий цели социалистического строительства, он вынуждает себя примириться с «круглым» лесом. Но в очерках все эти линии остались несведенными, поскольку поэтический лес был заслонен и реальностью путешествия, и нуждами социалистического строительства (из дневника: «трудно чувствовать поэзию леса, если виден конец» [Пришвин, 2009, с. 696]). Новой попыткой их примирения станет «Корабельная чаща», в которой автор будет стремиться дойти, доискаться до настоящей, «истинной» правды леса.

О том, как они пришли к заветной Чаще, Пришвин коротко пишет в книге очерков: «наконец пришли в Чашу, и вот прилетела Жар-птица и наполнила всю душу радостью» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 682]. Словно скороговоркой он проговаривает те же слова, что не раз слышал от встреченных на пути охотников: «Все оказалось точно так, как и говорили о Чаще: деревья стояли одно к одному, как громадные свечи, и уж, конечно, тут стяга не вырубись» [Там же, с. 682]. Но «когда же мы подняли глаза наверх, то увидели на каждом гигантском дереве зачистки топором, и на этом белом зачищенном кусочке было обозначено буквой, какой это сортимент» [Там же]².

Заповедная Чаща оказалась обречена на смерть. Расстаться со своей мечтой, со своей «Жар-птицей» тяжело не только детям, но и взрослым, и Пришвин радикально меняет вектор мечты: «не о той Чаще надо мечтать, какой она была без человека, а какую мы должны создать себе в будущем» [Там же, с. 683]. В итоге образ «неприкосновенной» Чащи исчезает – теперь она превращается «в необходимую государству золотую валюту» или же, перерабатываясь «на целлюлозных заводах», дает «бумагу, необходимую для Берендеевой чащи» [Там же, с. 692], то есть для сочинения и печати пришевских книг о Берендеевой чаще. Мечта ставится на службу государству и писателю как государственному служащему.

Дневник Пришвина свидетельствует, что он совершает нечто вроде движения бумеранга – возвращается к образу родной и привычной Берендеевой чащи, гораздо более приятной и удобной, нежели суровый северный лес. «Зачем было так далеко ходить, если почти такой же рай есть под Москвой» [Пришвин, 2009, с. 695], – возникает у самих путников закономерный вопрос. И далее в этой же дневниковой записи Пришвин заключает свою Чашу в кавычки: «Вечером пришлось поругаться с Петей, и я, расстроенный, ушел в “Чашу” и сидел в ней далеко за пол-

---

² В комментарии к «Корабельной чаще» В. Д. Пришвина отмечала, что «Пришвин был огорчен и разочарован тем, что реликтовый сосновый бор оказался вырублен для нужд авиации» [Пришвин, т. 6, с. 434]. На территории Коми АССР в 1935 г. писатель не был – он разместил свою Чашу на границе Коми и Архангельской области, используя для этой цели встреченный ими сосновый бор, «похожий на Сокольников или на Лосиноостровский» [Пришвин, 2009, с. 695].

ночь, слушал стон деревьев», – а утром увидел «на подрумяненных волоках... знаки высоких сортиментов» [Пришвин, 2009]. Уже вернувшись домой, он еще раз фиксирует в дневнике: «Вот это и есть главная тема всего моего путешествия: Чащи = Лосиноостровский заповедник» [Там же, с. 731]. Таким образом, Чаща «мигрирует», уходит в следующую книгу, а в ней – в тот край, где еще не было «цепи антихриста», где леса немеряные и не тронутые топором. Книга очерков завершается сакраментальной фразой, оправдывающей уничтожение Чащи-мечты, по существу – себя-Чащи: «Не только лесу, а и человеку не плохо³ умереть, если только правильно жить»⁴ [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 692].

Несмотря на кажущийся оптимизм финала очерковой книги, Пришвину нелегко было принять гибель своей заповедной Чащи. В дневнике он не один раз размышляет о соотношении государственного «надо» и личного «хочется», человека, природы и машины⁵, о смысле, характере и целях механизации⁶. Мысли Пришвина следует рассматривать в контексте 1930-х гг. – начала процесса генеральной индустриализации страны, когда вопрос о замене человеческого труда машинным обсуждался многими, создавались заводы и трудовые лагеря, творились новые утопии, новые соцгородки и новый образ жизни. Для Пришвина лес, живая природа были воплощением индивидуального начала, того, что существует и живет *само*, машина – выражением начала мертвого, обезличенного и несамостоятельного⁷. Образ обреченного на смерть леса преследует его в те годы. Еще до поездки на север он записывает в дневнике свой сон:

Снилось мне, будто я в лес пошел, в большой, густой, темный, и мне было чудесно дышать в нем и слушать пение птиц, но в этом лесу каждое дерево было помечено топором. Мне стало тяжело наслаждаться жизнью в лесу, где каждое дерево было предназначено к срубке, я пошел дальше в глубину, но и там деревья были помечены... везде так чудесно пели

³ Так у автора!

⁴ Ср. в дневнике: «Не только лес рубить надо, если он поспел и если правильно рубить, а если время пришло, оправдалась жизнь, то и самому умереть ничего» [Пришвин, 2009, с. 694].

⁵ «Если мы противопоставляем природе машину, то это значит, мы противопоставляем “естественному ходу вещей” чисто человеческое действие, изменяющее весь естественный ход. Человек борется с природой за свою человеческую самовольную жизнь» [Пришвин, 2009, с. 610]. Поэтому вторжение человека в лес с целью его изменения и тем более рубки сравнивается с действием антихриста («На зырянской стороне в лесу нету просек, тут еще не была цепь антихриста» [Там же, с. 694]).

⁶ «“Механизация” как обезличивание и механизация как избавление от застоя и тем самым условие развития личности» [Там же, с. 638].

⁷ «Мы можем говорить о жизни дерева... в основе такой же, как наша, но мы не можем так говорить так о жизни машины... нет в ней индивидуальности, как во всяком органическом существе, той индивидуальности, благодаря которой дерево само растет, а самолет не сам летит» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 528]. Пришвин даже машину пытается наделять индивидуальностью – дает своему автомобилю имя Машка и пишет о нем как о почти живом существе.

птицы, купаясь в зеленом свете, но деревья везде были помечены [Пришвин, 2009, с. 528].

Акт спасения своей заповедной Чащи, в которой все деревья помечены топором и отданы смерти, писатель осуществляет в последнем своем произведении, неслучайно поименованном им повестью-сказкой.

«Корабельная чаща»

Повесть-сказка «Корабельная чаща», завершенная в декабре 1953 г., считается своеобразным завещанием Пришвина. Сам автор по окончании произведения признавал: «Я все сделал, всего себя, какой я есть, вложил в эту повесть, и если выйдет плохо, то это будет значить, что я сам плох» [Пришвин, 2017, с. 390]. В книге нашли выражение все самые дорогие его сердцу идеи: спор о правде/истине, экологические идеи об охране природы, лесного пояса и «тела» России, о послевоенном сиротстве русских людей (не только детей), о судьбе и пути человека в жизни. Если исходить из названия книги, следует признать, что идея леса (чащи) выступает как основная, к ней стягиваются сюжетные линии, и вокруг этой идеи и концепта *чащи/бора/леса* организуется система персонажей.

Однако название повести Пришвина неоднократно менялось, и сами изменения названия, а также размышления писателя над новыми смыслами нашли отражение в его дневнике. 15 января 1952 г. он записывает: «У меня три работы: 1) “Осударева дорога”, 2) “Заповедная чаща” (2 часть “Кладовой солнца”), 3) Дневники...» [Там же, с. 16]. «Заповедная чаща» – заглавие, наиболее близкое к замыслу-идее писателя 1935 г., к его «Берендеевой чаще». Но затем произведение чаще всего именуется «Лесной повестью». В июне 1952 г. появляется новое название: «И сад наш хорош, и пишется хорошо “Повесть о правде истинной”. А если назвать: “Правда истинная”. Рассказ с центральной идеей сказку обратить в правду?» [Там же, с. 134]. Тема правды становится основной в дневнике Пришвина последних лет. Она возникает и в связи с работой над новой повестью («На вопрос Половинкина, чем я сейчас занимаюсь, я ответил, что пишу повесть о русском сиротстве и принципиальности (правде)» [Там же, с. 122]), и по ходу размышлений о судьбе русского человека:

Если бы не было правды на свете, то как бы понять жизнь русского человека: как будто ничего и не было у нас, и вдруг сделалось из ничего так много. <...> ...Мы всегда бились за правду и добились своего: всему свету теперь видно, что мы за правду стоим [Там же, с. 132–133]⁸,

⁸ Чуть позже Пришвин выходит к мысли Белинского, введенной не только в дневник, но и в повесть: «Искушает изобразить в повести пророчество Белинского: “России суждено сказать новое слово” как путь правды» [Пришвин, 2017, с. 165].

а также мыслей о том, что лучше – правда или счастье: «Какая-то доля какого-то счастья достается каждому, но правда существует для всех, и оттого-то она и колет глаза, и говорят: правда хороша, но счастье лучше» [Пришвин, 2017, с. 135], как соотносятся «правда истинная» и «правда необходимости» [Там же, с. 141], правда и свобода [Там же, с. 380–381, 540 и др.] Наконец, в середине лета 1952 г. происходит соединение двух главных тем нового произведения – темы леса и темы правды:

«Лесная повесть» затаит в себе трагедию правды и покажет ее в географии. А то разве не так оно бывает в нашей природе: доберись-ка в ней до правды (самого человека). Так и в «Лесной повести» будет все – география, реки, леса, дети, а сам человек затаится. Но ведь как бывает в жизни: вся эта чуждая самому человеку география делается живой, человеческой, как только человек в себе доберется до правды истинной. Вот это-то и надо мне сделать: показать всю географию в свете правды истинной [Там же, с. 164].

И спустя месяц: «Нашел название повести: “Слово правды”» [Там же, с. 178]. Под этим именем повесть фигурирует вплоть до публикации ее в журнале «Новый мир», когда стало нужно «решить, “Слово правды” или “Корабельная чаща”» [Там же, с. 479]. В результате произведение было опубликовано в № 5 и 6 журнала за 1954 г. уже после смерти Пришвина под новым редакционным заглавием «Корабельная чаща».

Пришвин чрезвычайно точно выразил основную мысль своей повести – трагедия правды, показанная в географии. Это трагедия народа и отдельного человека – индивидуальности, над судьбой которой в эпоху всеобщего тотального давления «общего» на «личное» писатель размышлял все годы (иное ее выражение – столкновение «хочу» и «надо»), трагедия леса (Чащи) и трагедия самой правды. В процессе его работы над повестью, когда она была близка к завершению, умер Сталин, это событие напрямую не отразилось в тексте, но сама атмосфера времени – конца старого и приближения новой эпохи – вероятно, не могла не повлиять на творческое сознание автора. 8 апреля 1953 г. он записывает в дневнике:

Моя работа «Слово правды» включала существо Сталина как нечто колебимое: пусть его в повести нет, но у меня в душе он есть, как вечное «да» или вечное «нет». Но когда Сталин исчез, моя уверенность в чем-то таком пошатнулась, и вот не знаю теперь, удастся ли мне ее ввести в строй моих прежних дум, или она, как и «Канал», останется неудачной попыткой русского интеллигента приспособиться к... [Там же, с. 326].

Дискурс правды возникает в начале «Корабельной чащи» в связи с фигурой старого лесника Антипыча: он обещает Васе Веселкину сказать «правду истинную», когда будет умирать, а позже отговаривается

от своих же слов шуткой, чем глубоко задевает мальчика, вынуждает его идти за выяснением «правды истинной» к учителю Фокину. Так идея правды странствует от одного персонажа к другому, проявляясь в архетипических ситуациях бесед старшего с младшим (своего рода передачи опыта) и находит самое острое, болезненное воплощение в финале, когда решается судьба корабельной чащи.

Заметим, что в очерках «Берендеева чаща» лесник Антипыч рисуется как натуральный лжец – хвастун и обманщик, отчасти в русле фольклорной традиции. Однакостораживает следующий эпизод в главке очерков под названием «Правда». После очередной вымышленной истории рассказчик уличает старика во лжи: «Эх, Антипыч, старый, скоро ли я от тебя правды дождусь?» – и получает весьма характерный ответ: «Правды захотел? ... Нет! – отшатнулся он вдруг от меня, – нет! Мне восемьдесят первый год пошел, скоро помирать...» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 619] – и далее он обещает рассказчику перед смертью шепнуть ему на ухо «всю правду». Эпизод исполнен скрытого смысла, имеющего в контексте времени – середина 1930-х гг. – и в связке с некоторыми другими эпизодами очерков весьма неоднозначное толкование. Антипыч *не хочет* говорить правду. В этой сцене он напоминает автору-рассказчику глухаря («с удивлением я заметил тут в первый раз, что у него от долгой жизни в лесу нашлось какое-то сходство с глухарем»), но еще до того, рассказывая о глухаринной охоте, рассказчик называет глухаря, за которым он охотится, Антипычем («он даже для меня теперь не глухарь, а отдельность вроде Антипыча» [Там же, с. 618]): глухарь поет свою песню, не замечая окружающего, песня для него в этот момент – самое главное, как для человека Антипыча – его рассказы, его сказки. Правда отступает перед вымыслом.

Позже Пришвин будет размышлять о соотношении правды и вымысла и придет к выводу, что без вымысла нет и настоящей правды – по крайней мере, в искусстве (1954 г.: «Никакой правды не бывает без выдумки, напротив! выдумка спасает правду, для правды только существует выдумка» [Пришвин, 2017, с. 429]). Но слышать или не слышать – вопрос жизненно важный. Рассказчик долгое время не мог охотиться на глухарей, так как не слышал их песни, то есть не отличал ее от других звуков в лесу. И лишь Николай на этой охоте научил его слышать. И глухарь ничего не слышит, пока поет, «правда» для глухаря – это охотничья пуля, прерывающая его песню. Возможно, потому Антипыч и боится «правды», меняется в лице, когда рассказчик требует от него «правды» взамен вымысла, что выговорить ее можно лишь со смертью⁹.

В «Корабельной чаще» Антипыч очищен автором от черт хвастливого говоруна чащи «Берендеевой», сделан мудрым лесником, старейшиной, поучающим Васю, именно он открывает Васе тайну корабельной

⁹ Сам Пришвин, пишущий «роман-сказку» о Беломоро-Балтийском канале «Осударева дорога», ассоциируется у нас с Антипычем «Берендеевой чащи», отказывающимся от правды.

чащи: лесник-одиночка несет правду коллективного целого и передает ее молодому поколению. Однако некоторый налет двусмысленности остался и на нем: «Правда, она такая, что ее надо каждому держать в уме, а сказать о ней трудно, – поясняет он Васе, не желая определять “правду истинную”. – Трудно оттого, что у правды нет слов: в делах она вся, не в словах. Второе, оттого, что как скажешь, то сам ни с чем останешься» [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 222]. Судя по всему, Антипыч так и умирает, не выговорив, не передав Васе свою правду.

Таким образом, концептуальной идеологемой произведения является концепт «правда», поиски которой осуществляют все герои, хотя для детей правда смыкается с отцом: что делает отец – то и есть правда. Можно сказать, что после ухода со сцены Антипыча в повести разворачивается своего рода дискурс постправды, он организует жизнь и Васи Веселкина, и его детей, и других героев: экспозиционные попытки определения правды не только лесником, но и Фокиным в беседе с Васей проверяются и испытываются войной и связанными с ней событиями, то есть «делом».

Идеологический и философский контекст, который разворачивается вокруг понятия «правда», чрезвычайно широк, для русского сознания правда часто заменяет справедливость, точнее, она важнее справедливости, важнее истины, может заменить и ее (недаром герои Пришвина и сам автор говорят о «правде истинной»). «Правда» была «камнем преткновения» для А. М. Горького, одного из постоянных пришвинских оппонентов (об отношениях писателей см.: [Святославский; Худенко]). В дневнике Пришвина времени создания «Корабельной чащи» «свобода» и «правда» чаще всего находятся в состоянии оппозиции. «Враг человека, из-за чего от него и Бог отошел, это “свобода”» (июнь 1953 г. [Пришвин, 2017, с. 380])¹⁰.

В «Корабельной чаще» Вася спрашивает у учителя Фокина, как разрешить противоречие Антипыча: он сначала говорил, «что правда на свете должна быть одна», а потом – «что правда у каждого человека своя, и сколько ни есть на свете людей, столько есть и разных правд» [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 231], объясняя это тем, что «солнце светит... для всех одинаково, да мы-то все разные: каждому хочется стать поближе к тепленькому местечку на свете» [Там же, с. 232]. Осмыслив сравнение с солнцем, Вася ведет разговор с учителем дальше: «Правда истинная... ведь, конечно, много выше солнца?» – спрашивает он. Фокин отвечает: «Истинная правда... обнимает Вселенную и еще дальше, все, что там, за Вселенной, и без конца» [Там же, с. 233]. Сравнение правды с солнцем также несет в себе неоднозначный смысл: Васина елочка без солнца хиреет, а когда оказывается на свету,

---

¹⁰ Продолжение темы в политическом ключе: «Моя новая мысль – ощущение всего хода истории, что сейчас в Америке умирает свобода, а у нас вместо свободы рождается правда» [Пришвин, 2017, с. 381]. «Простыми же совсем словами хочется сказать, чтобы века Правды сменили века Свободы, действительно освободили пребывающего в рабстве человека» [Там же, с. 540].

очищается от болезненных наростов и начинает расти. Однако окажись она сразу на солнце, она бы не выжила. И сам солнечный свет характеризуется у Пришвина как «свет великий, желанный и страшный» [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 224], «свет великий, безмерный, могучий и страшный» [Там же, с. 254]. В дневнике, обдумывая завершающую главу своей книги и размышляя о правде и свободе, Пришвин использует этот же образ:

...Свет великий, огромный и страшный, как бы через полог какого-то огромного леса, закрывшего от нас солнце, проник в нашу страну. Вот при этом-то свете... и начали складываться и показываться слова и образы нашей правды, к которой мы шли с тех пор, как было сказано первое слово нашей правды. <...> Показалась близость ощущения какой-то Большой Кузницы, где и куют на будущие века, заступающие века Свободы, на все века наступающей Правды свои особые новые слова¹¹ [Пришвин, 2017, с. 540].

Приведем возможный литературный комментарий к образу правды-солнца Пришвина. В сказке-притче М. Е. Салтыкова-Щедрина «Ворон-челобитчик» облетевший всех хищных птиц ворон получает наконец финальный ответ на свой вопрос о правде от старого мудрого коршуна:

Посмотри кругом – везде рознь, везде сваря; никто не может настоящим образом определить, куда и зачем он идет... Оттого каждый и ссылается на *свою* личную правду. Но придет время, когда всякому дыханию сделаются ясными пределы, в которых жизнь его совершаться должна, – тогда сами собой исчезнут распри, а вместе с ними рассеются как дым и все мелкие «личные правды». Объявится настоящая, единая и для всех обязательная Правда; придет и весь мир осяет. И будем мы жить все купе и влюбе [Салтыков-Щедрин, с. 218].

«Единая и для всех обязательная Правда» как раз и воцарилась во времена Пришвина. Для автора она была «великая», «безмерная» и «страшная».

Образно-символическим воплощением правды в книге Пришвина, а вместе с тем внутренней антитезой правде-солнцу становится корабельная чаща, которую бережет народ коми и на которую покушается война, необходимость военного времени – эту необходимость несет в себе солдат Вася Веселкин. Чаша – мир, благодать существования в гармонии с природой, но вместе с тем и социальный мир, поскольку, как не один раз говорится о корабельной чаше в тексте, в ней «дерево к дереву стоит так часто, что стяга не вырубешь, и если дерево срубить,

¹¹ Образ Большой Кузницы не может не вызвать параллель с понятием «перековки» человека, а с этим процессом Пришвин лично знакомился во время путешествия на Беломоро-Балтийский канал (1932).

то оно не упадет, а только прислонится к соседнему и будет стоять» [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 249]: все сказочные формулы Чащи Пришвина перенес из книги очерков в повесть-сказку. По словам Мануйло, «корабельная чаща вся на правде стоит» [Там же, с. 265].

Война – разрушение этого мира, уничтожение природного космоса, не только человеческого: победа в войне требует срубить корабельную чащу, чтобы для авиации была изготовлена фанера нужного качества. Сама правда оказывается изменчивой, зависит от расположения вещей, от состояния мира. В мирной жизни она – в защите природного космоса и спасении чащи, в военное время она велит принести сам мир в жертву военной правде – правде победы во имя будущего мира. Но и будущее тоже относительно: близкое будущее (надо сейчас гнать фанеру из мачтовых реликтовых сосен) и более отдаленное, когда эти леса станут украшением жизни, и значит, их следует сберечь. Эту относительность, балансировку разных правд и разных времен (настоящего и близкого будущего – и более отдаленного, в какой-то мере идеального) выдерживает Калинин, как он изображен в книге Пришвина, – архетипический образ мудрого старца. Остальные герои становятся на ту или иную сторону правды. Мануйло, Онисим здесь противостоят Васе Веселкину, дети в своем пути-движении помещаются между ними.

Жизнь и вымысел, правда жизни и правда сказки («нас возвышающий обман») борются и в изображении Пришвиным картин северного леса. Сузем, по которому нужно пройти, идя к корабельной чаще, «совсем не то, что у нас называется лесом» [Там же, с. 396]. Идти по нему трудно, но дети в повести-сказке идут легко и, даже отступив с тропы в дождливую ночь, потом непонятно как находят ее и выходят к корабельной чаще и к отцу. Тропа в суземе в «Корабельной чаще» представлена почти как улица – торная, по ней много людей ходит («Какая же это красивая сухая белая тропа, сколько на ней чудесных изгибов» [Там же, с. 397]). Совсем иначе описан северный лес в «Берендеевой чаще»: «хороший сосновый бор – редкость большая! Дальше пошли бесконечные непроходимые еловые долгомошники, злые, корявые, бесконечно трудные для передвижения» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 678]. Еще страшнее и непроходимее лес, исковерканный человеком в промышленной рубке и подготовке его к сплаву.

Корабельная чаща в соответствующей повести рисуется в сказочном хронотопе – она находится «в царстве Коми», где еще сохранились «немеряные леса» [Там же, т. 6, с. 266], на Третьей горе, и на пути к ней стоят часовенка, избушка и беседка с прудиком, в котором плавают «вьюн и карасик» [Там же, с. 269]. Чаща для Пришвина оказалась четко связана не только с правдой, но и со свободой: «на Третьей горе, на свободных ветрах, выросла неслыханной мощи Корабельная чаща» [Там же, с. 405]. Пришвин делает чащу-сказку принадлежностью «маленького народа коми», хотя коми – совсем не маленький народ, но это сказочная примета, и маленькому народу легче и естественнее беречь свою тайну. Коми же в описании самых разных

путешественников XIX и начала XX в. – лесной народ, и описание чащи в книге Пришвина во многом перекликается с картинами лесных ландшафтов в очерках разных авторов XIX в. – Ф. А. Арсеньева, Н. А. Александрова, П. В. Засодимского, С. В. Максимова, коми поэта и философа Серебряного века К. Ф. Жакова [см. об этом: Созина]. Это народ, берегущий свои традиции и свои секреты, что писатель показывает на примере Онисима-Сидора, идущего из Коми и по пути встретившегося с Мануйло¹².

Коми в сказке Пришвина выступает буквально страной сказки, чуда, детства, души, которые неявны – таятся в глубине большой взрослой жизни, и на то есть свои причины: они становятся понятны, если мы вспомним о конце, ожидавшем корабельную чащу, ставшую достоянием «гласности».

Так мы и думали с детства – нет на свете никакого царства Коми, и нет немеряных лесов и Мезень-реки, и все это держится только на сказках для нас, маленьких, а по правде ничего этого нет, даже и реки Мезени нет [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 266],

– рассказывает Мануйло. Поэтому так таинственен гость из «царства Коми», о встрече с которым тоже говорит Мануйло: гость, таящий нечто про себя, и не только «сосновую чащу в немеряных лесах», которую, по его словам, «весь народ наш таит», – всей «истинной правды» об Онисиме, который вновь появляется в конце повести, в момент скорой гибели священной чащи, писатель не раскрыл. Впрочем, сам Онисим говорит об этом достаточно ясно, особенно с учетом контекста эпохи создания книги Пришвина: «О себе... часто человеку ради истинной правды надо неправду сказать, ты разве этого не знал? Человеку часто в наших лесах надо таиться, чтобы только жизнь свою сохранить» [Там же, с. 271]. Север в ту пору, как мы знаем, стал страной изгнания, лагерей, страданий и смерти для тысяч людей, краем страшной ослепляющей «правды» режима. В «Берендеевой чаше» самого Пришвина как героя-рассказчика не один раз принимают за заключенного, которого гонят в дальние лагеря, эти лагеря были и в Республике Коми.

В «Корабельной чаше» встреча с человеком «из Коми» осталась в памяти Мануйло как событие чрезвычайной важности, когда сказка вдруг стала правдой:

И он (Онисим. – Е. С.) спустя малое время сам говорит о себе: – Я из Коми иду. Ребятишки на печке зашевелились. По себе их понимаю:

¹² В дневнике 1935 г. писатель отмечал: «Разговор о зырянах: какой это хороший народ, и охотники лучше нас» [Пришвин, 2009, с. 696]. Еще раз напомним, что в край Коми Пришвин со спутниками в путешествии 1935 г. не зашли. Помещая в последнем произведении свою заветную Чашу на землю зырян, он словно сохраняет нетронутость, укромность леса и для самого себя.

сам тоже долго думал, что Коми – это в сказках, и что в Коми леса немеряные, и цепь землемерная, цепь врага рода человеческого, тех лесов не касалась [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 266].

Правда, олицетворением которой становится чаща, манит к себе человека, как манит его в детстве сказка: «Бывало, старички начинают манить, вот и думаешь, сам еще маленький, – это они нас, ребят, заманивают в царство Коми» [Там же, с. 265]. Так и Мануйло заманивает в царство немеряных лесов Коми сначала солдата Веселкина, а потом его детей, как когда-то его заманил туда неизвестный человек родом из Коми.

Красота Чащи его имеет отчетливый сакральный смысл: «Тут... наши деды Богу молились, и мы, дети, обещались перед Богом Чащу не рубить» [Там же, с. 382]. Но правда Чащи – правда прошлого («наши деды»), как назвал бы ее Горький¹³, – сталкивается с правдой настоящего. В Чащу приходит солдат, «человек партийный и с правами», и требует Чащу срубить на авиационную фанеру. На слова Сидора (еще одного представителя коми народа) он отвечает: «Не в дедах сила, а в правде. <...> Правда не в словах, а в делах, наше дело сейчас – врага победить, и дело это требует от вас жертвы» [Там же, с. 382].

В дневнике, работая над текстом повести, Пришвин оценивал жертву народа своей Чащей в категориях священного текста всех народов: «В “Лесной повести” изображен Веселкин, в священной роще надо понимать его как Авраама в жертве сыном, а Мануйло и дети, как Исаак под ножом» [Пришвин, 2017, с. 525]. Словами народной правды Мануйло объясняет Калинину, чем хороша Корабельная чаща: «В народе говорят, что в еловом лесу надо трудиться, в березовом лесу – веселиться, а в сосновом бору – Богу молиться» [Пришвин, 1982–1986, т. 6, с. 393], и Калинин принимает это объяснение. Он и выполняет в повести ритуальные функции Бога-Отца, велел Мануйло идти спасать Корабельную чащу. Рассказывая о Чаще, Мануйло добавляет: «Руки вверх на полет поднимаются, а ноги подкашиваются. <...> Стоишь на коленках, а земля тебя сама вверх поднимает, как на ладони» [Там же]. Таким образом, священная сосновая роща коми у Пришвина приобретает особый смысл некоей возвышенной духовности вне каких-либо конфессиональных различий (исторически коми были язычниками): эстетическое и природное соединяются в ней с началом религиозным. А оно подразумевает отказ от мирского-житейского, от всего узколичного, знаком чего становится крест, который отмечает границу «царства Коми»:

В пятистах шагах отсюда на общей тропе стоит белый столб, и черным по белому на нем начертан крест. Это означает, что с этого места начина-

---

¹³ «Известно, что существует две правды и что в мире нашем количественно преобладает подлая и грязная правда прошлого, а – на смерть ей – родилась и растет другая правда», – писал Горький в письме В. С. Гроссману от 7 октября 1932 г. [Горький, с. 262].

ется область Коми – область немеряных лесов, и все реки отсюда текут не в Двину, а в Мезень [Там же, с. 403].

Крест – в первую очередь христианский символ, символ жертвенной любви, он знаменует очищение и возвышение человека как существа тварного, но преображаемого Господом¹⁴, неслучайно Н. П. Дворцова говорит о «христианском (этическом) социализме», к которому приходит в поздние годы Пришвин, пережив духовный переворот 1937–1940 гг. [Дворцова, с. 160–163]. «От неучастия в современности, свободы “поверх красных и белых”, от противопоставления “я” и “они” Пришвин приходит к понятию “мы” (“мы с тобой”) и необходимости участия собственным делом в деле “нашем”», – пишет она [Там же, с. 161]. Не личными, но общими интересами руководствуются все герои «сказки» Пришвина, вступающие в круг событий, связанных с Корабельной чащей, хотя сам масштаб этого «общего» является различным.

По завершении своей повести-сказки Пришвин отмечал в дневнике: «“Слово правды” вышла повесть чистая, вроде храма, остается написать какую-нибудь страничку, которая будет значить, как крест на здании» [Пришвин, 2017, с. 388]. Крест – финал жизни личной, земной, телесной и начало иной, которую писатель, по всей видимости, видел в правде идеала, но не прежнего, диктуемого эпохой и Сталиным. «Свобода у всех на глазах умирает, и создается новый идеал: правда, новая форма переживания человеком единства всего жизненного творчества (в Боге) и различия Божественного в каждом из нас» [Там же, с. 380]. От правды социализма, уничтожающего леса ради дня настоящего и близкого будущего, утверждаемой им в «Берендеевой чаше» (подчас наперекор собственной воле и совести), Пришвин движется к правде общего и целого, связующего прошлое с будущим, где настоящее – лишь момент, хотя момент принципиально важный, трагически определяющий пути и образ этого будущего. Воплощением целостной правды является для него живое природное целое, отсюда спасти Чащу – значит спасти мир. Пусть это спасение возможно лишь в сказке, но сказка сильнее правды жизни, ибо заключает ее в себе.

Библиографические ссылки

- Горький А. М. Собрание сочинений : в 30 т. М. : Госиздат, 1949–1955. Т. 30. 820 с.
- Дворцова Н. П. Михаил Пришвин: «Жизнь как утверждение» // Михаил Пришвин и русская культура XX в. : сб. ст / под ред. Н. П. Дворцовой, Л. А. Рязановой. Тюмень : Вектор Бук, 1998. С. 134–164.
- Овчинникова Л. В. «Сказка – это выход из трагедии»? (особенности творческих поисков М. М. Пришвина 1940–1950-х гг.) // Вестн. Моск. гос. ун-та им. М. Шолохова. Филологические науки. 2009а. № 1. С. 15–27.

---

¹⁴ Многообразная символика креста раскрывается в труде современника Пришвина о. П. Флоренского «Философия культа» [Флоренский, с. 31–41].

Овчинникова Л. В. «Современность в ее высшем смысле» («Корабельная чаша» М. М. Пришвина как сказочно-идеологическая повесть) // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009b. № 1. С. 88–93.

Пришвин М. М. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1982–1986.

Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. Кн. 8 / подг. текста и коммент. Я. З. Гришиной. СПб. : Росток, 2009. 1008 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. Кн. 17 / подг. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой ; коммент. Я. З. Гришиной. СПб. : Росток, 2017. 832 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худож. лит., 1965–1977. Т. 16, кн. 1. 528 с.

Святославский А. В. Максим Горький в литературной судьбе Михаила Пришвина // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 29–36. DOI 10.24411/2499–9679–2018–10133.

Созина Е. К. Символика этноландшафта коми в русской литературе // Кормановские чтения : ст. и материалы межвуз. науч. конф. (Ижевск, апрель 2010 г.) / ред.-сост. Д. И. Черашняя. Вып. 9. Ижевск : Удмурт. гос. ун-т, 2010. С. 145–155.

Флоренский П., свящ. Философия культа : (Опыт православной антропологии). М. : Мысль, 2004. 685 с.

Худенко Е. А. М. Пришвин о М. Горьком: «несвоевременные мысли» в эпоху пролетарского искусства // Михаил Пришвин и XXI век : материалы Всерос. науч. конф., посв. 140-летию со дня рожд. писателя / отв. ред. Е. Т. Атаманова. Елец : Елецкий гос. ун-т, 2013. С. 35–44.

References

Dvortsova, N. P. (1998). Mikhail Prishvin: “Zhizn’ kak utverzhdenie” [Mikhail Prishvin: “Life as a Statement”]. In Dvortsova, N. P., Ryazanova, L. A. (Eds.). *Mikhail Prishvin i russkaya kul’tura XX veka. Sbornik statei*. Tyumen, Vektor Buk, pp. 134–164.

Florensky, P., priest. (2004). *Filosofiya kul’ta. (Opyt pravoslavnoi antropoditsei)* [Philosophy of Cult (The Experience of Orthodox Anthropodicy)]. Moscow, Mysl’. 685 p.

Gorky, A. M. (1949–1955). *Sobranie sochinenii v 30 t.* [Collected Works. 30 Vols.]. Moscow, Gosizdat. Vol. 30. 820 p.

Khudenko, E. A. (2023). M. Prishvin o M. Gor’kom: “nesvoevremennye mysli” v epokhu proletarskogo iskusstva [Prishvin about M. Gorky: “Untimely Thoughts” in the Era of Proletarian Art]. In Atamanova, E. T. (Ed.). *Mikhail Prishvin i XXI vek. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 140-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya*. Elets, Eletsii gusudarstvennyi universitet, pp. 35–44.

Ovchinnikova, L. V. (2009a). “Skazka – eto vykhod iz tragedii”? (osobennosti tvorcheskikh poiskov M. M. Prishvina 1940–1950-kh gg.) [“A Fairy Tale is a Way out of Tragedy”? (Features of M. M. Prishvin’s Creative Searches in the 1940s–1950s)]. In *Vestnik Moskovskogo Universiteta imeni M. Sholokhova. Filologicheskie nauki*. No 1, pp. 15–27.

Ovchinnikova, L. V. (2009b). “Sovremennost’ v ee vysshem smysle” (“Korabel’naya chashcha” M. M. Prishvina kak skazochno-ideologicheskaya povest’) [“Modernity in its highest sense” (Shiptimber Grove by M. M. Prishvin as a Fairytale and Ideological Story)]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*. No 1, pp. 88–93.

Prishvin, M. M. (1982–1986). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Complete Works. 8 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Prishvin, M. M. (2009). *Dnevnik. 1932–1935. Kn. 8* [Diaries. 1932–1935. Book 8] / ed. and commentaries by Ya. Z. Grishina. St Petersburg, Rostok. 1008 p.

Prishvin, M. M. (2017). *Dnevnik. 1952–1954. Kn. 17* [Diaries. 1952–1954. Book 17] / ed. by Ya. Z. Grishina, L. A. Ryazanova, commentaries by Ya. Z. Grishina. St Petersburg, Rostok. 832 p.

Saltykov-Shchedrin, M. E. (1974). *Sobranie sochinenii v 20 t.* [Complete Works. 20 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 16. Book 1. 528 p.

Sozina, E. K. (2010). Simvolika etnolandshafta komi v russkoi literature [Symbolism of the Komi Ethnic Landscape in Russian Literature]. In Cherashnyaya, D. I. (Ed.). *Kormanovskie chteniya. Stat'i i materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Izhevsk, aprel' 2010 g.)*. Iss. 9. Izhevsk, Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, pp. 145–155.

Svyatoslavskii, A. V. (2018). Maksim Gor'kii v literaturnoi sud'be Mikhaila Prishvina [Maxim Gorky in the Literary Fate of Mikhail Prishvin]. In *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. No. 3, pp. 29–36. DOI 10.24411/2499–9679–2018–10133.

The article was submitted on 12.11.2023